

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО
ЛИТЕРАТУРЕ
2025-2026 УЧ. ГОД

10 КЛАСС

Время выполнения работы - 270 минут

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (максимальный балл – 60) и творческое задание (максимальный балл – 40). Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1. Напишите целостный анализ рассказа Василия Гроссмана «Дорога»

Выполните целостный анализ произведения. Вы можете опираться на вопросы или выбрать собственный путь анализа. Работа должна представлять собой связный, завершённый текст. Максимальное количество баллов - 60.

Опорные вопросы:

1. В чем заключаются особенности повествования в рассказе В. Гроссмана? Чья точка зрения определяет здесь взгляд на мир?
2. Как представлен главный герой рассказа? Какие художественные средства, приемы использует автор, чтобы передать своеобразие его восприятия?
3. Почему в заглавие вынесен образ дороги? Какие смыслы он в себе несет?
4. Какую роль в рассказе играет время действия? Как создается образ войны?
5. Как организовано художественное пространство в рассказе? Какую роль играет мотив дороги?
6. Какова роль пейзажа?
7. Как авторская позиция выражается через логику сюжета и композиции?

Василий Гроссман
Дорога

Война коснулась всех живших на Апеннинском полуострове. Молодой мул Джу, служивший в обозе артиллерийского полка, сразу же, 22 июня 1941 года, ощутил много изменений....

Люди удивились бы, узнав, как много было отмечено мулом в день начала войны на востоке, — и непрерывное радио, и музыка, и распахнутые ворота конюшни, и толпы женщин с детьми возле казармы, и флаги над казармой, и запах вина от тех, от кого раньше не пахло вином, и дрожащие руки ездового Николло, когда он выводил Джу из стойла и надевал на него шлею.

Ездовой не любил Джу, он впрягал его в левую упряжку, чтобы сподручней было подхлестывать мула правой рукой. И подхлестывал он Джу по животу, а не по толстошкурому заду, и рука у Николло была тяжелая, коричневая, с искривленными ногтями — рука крестьянина.

К напарнику своему Джу был равнодушен. Это было большое, сильное животное, старательное, угрюмое; шерсть на груди и на боках была у него вытерта шлеей и постромками, голые серые плешины поблескивали жирным графитовым блеском.

Глаза у напарника были подернуты голубоватым дымом, морда с желтыми стертыми зубами сохраняла равнодушное, сонное выражение и при подъеме в гору по размягченному от зноя асфальту, и при дневке в тени деревьев. Вот он стоит на перевале в горной долине, перед ним расстилаются сады и виноградники, перевитые серой лентой преодоленного асфальта, поблескивает вдали море, в воздухе запах цветов, морского йода, горной прохлады и, одновременно, горячей и сухой дорожной пыли... Глаза напарника равнодушны, ноздри не шевелятся, с немного оттопыренной нижней губы свисают длинные прозрачные слюни; изредка чуть-чуть шевельнется ухо напарника — он слышал шаги ездового Николло. А когда на учебных стрельбах били пушки, старик мул словно бы спал, не шевелил длинными ушами.

Джу как-то пробовал игриво толкнуть старика, но тот спокойно, без злобы лягнул молодого мула и отвернулся; иногда Джу переставал натягивать постромки, косил глаза на старика, тот не скалился, не прижимал ушей, а тянул вовсю, сопел и быстро-быстро кивал головой.

Они перестали замечать друг друга, хотя изо дня в день тянули телегу, груженную снарядами ящиками, пили из одного ведерка, и по ночам Джу слышал, как тяжело дышал в соседнем стойле старик.

Ездовой, его цели, власть, его кнут, сапог, хриплый голос не вызывали в Джу рабского преклонения.

Справа шагал напарник, за спиной дребезжала телега и покрикивал ездовой, перед глазами лежала дорога. Иногда казалось, ездовой — часть телеги, иногда казалось, ездовой — основа, а телега при нем. Кнут? Что ж, и мухи в кровь разъедали кончики ушей, но мухи были лишь мухами. Так и кнут. Так и ездовой. Когда Джу начал ходить в упряжке, он тайно злобствовал на бессмысленность длинного асфальта, — его нельзя было жевать, пить, а по обе стороны от асфальта росла лиственная и травяная пища, вода стояла в озерах и лужах.

Главным врагом казался асфальт, но прошло немного времени, и Джу стали более неприятны тяжесть телеги и вожжи, голос ездового.

Тогда Джу даже помирился с дорогой, мерещилось, что она освобождает его от телеги и ездового. Дорога шла в гору, дорога вилась среди апельсиновых деревьев, а телега монотонно и неотступно погромыхивала за спиной, кожаная шлея давила на грудные кости.

Нелепый труд, навязанный извне, вызывал желание лягаться телегу, рвать зубами постромки, и от дороги Джу теперь ничего не ждал и не хотел по ней ступать. В его большой, пустынной голове все время возникали образы запаха и вкуса пищи, туманные видения, волновавшие его: то запах кобылок, сочная сладость листвы, тепло солнца после холодной ночи, то прохлады после сицилийского зноя...

Утром он протискивал голову в шлею, налаженную ездовым, и грудь его привычно ощущала прохладу мертвой глянцевиной кожи. Он теперь делал это так же, как старик напарник, не откидывая голову, не скалясь, — шлея, телега, дорога стали частью его жизни.

Все стало привычным, а значит, законным, связалось, превратилось в естественность жизни: труд, асфальт, водопой, запах колесной мази, грохот длиннохоботных, вонючих пушек, пахнувшие табаком и кожей пальцы ездового, вечернее ведерко кукурузных зерен, охапка колючего сена...

Случалось, однообразие нарушалось. Он испытал ужас, когда его, опутанного веревками, кран перенес с берега на пароход, его

затошнило, деревянная земля уходила из-под копыт, и не хотелось есть. Потом был зной, превосходящий итальянский, ему на голову надели соломенную шапочку, была упорная крутизна абиссинских красных каменистых дорог, пальмы, до чьей листвы нельзя дотянуться губами. Его очень удивила однажды обезьяна на дереве и очень испугала большая змея на дороге. Дома были съедобны, он ел иногда тростниковые стены и травяные крыши. Пушки стреляли часто, и часто горел огонь. Когда обоз останавливался на темной опушке леса, он по ночам слышал недобрые звуки, шорохи, некоторые звуки вызывали ужас, и Джу дрожал, всхрипывал.

Потом его снова тошнило, и дощатая земля уходила из-под копыт, а кругом была голубоватая равнина, и совершенно непонятно, хотя сам он мало двигался, внезапно возникла конюшня, где рядом в стойле ночами тяжело дышал напарник.

А вскоре после дня, отмеченного музыкой и дрожащими руками ездового, вновь не стало конюшни, возникла дощатая земля, стук, стук, стук, толчки и скрежет, а затем тьма и теснота скрежещущего стойла сменились простором равнины, не имевшей конца.

Над равниной стояла мягкая, серая, не итальянская и не африканская пыль, а по дороге беспрерывно двигались в сторону восхода грузовики, тракторы, пушки с длинными и короткими хоботами, шли колонны пеших ездовых.

Жизнь стала особо трудной, вся превратилась в движение, телега была всегда нагружена, напарник дышал тяжело, его дыхание слышалось, несмотря на шум, стоящий на серой, пыльной дороге.

Начался падеж животных, побежденных огромностью пространства. Тела мулов оттаскивали в сторону от дороги, они лежали со вздувшимися животами, с растопыренными отшагавшими ногами, люди были к ним безмерно равнодушны, а мулы, казалось, тоже не замечали своих мертвых — мотали головами, тянули да тянули, но это только казалось — мулы видели своих мертвецов.

На этой равнинной земле замечательно вкусной оказалась пища. Впервые Джу ел такую нежную, сочную траву. Впервые в жизни он ел такое нежное и душистое сено. И вода в этой равнинной стране была вкусной и сладкой, а сочные веники из молодых веток деревьев почти не горчили.

Теплый ветер в равнине не жег, как африканские и сицилийские ветры, и солнце грело кожу мягко, нежно — не походило на беспощадное солнце Африки.

И даже серая, мелкая пыль, день и ночь висевшая в воздухе, казалась шелковистой, нежной по сравнению с колючей, красной пылью пустыни.

Но сам простор этой равнины был непоколебимо жестоким, ему не было конца, — сколько мулы ни двигались рысцей, мотая ушками, а равнина была сильнее их. Мулы шли скорым шагом при свете солнца и при свете луны, а равнина все длилась. Мулы бежали, стучали копытами по асфальту, пылили по проселку, а равнина длилась и длилась. Ей не было исхода ни при солнце, ни при луне и звездах. Из нее не рождались горы, море.

Джу не заметил, как настало время дождей, оно пришло постепенно. Полили холодные дожди, и жизнь из однообразной усталости превратилась в режущее страдание, в изнеможение.

Все, из чего состояла жизнь мула, утяжелилось: земля стала липучей, разговаривала, чавкала, дорога стала очень вязкой и от этого удлинилась, и каждый шаг по ней стал как много шагов, а телега сделалась невыносимо ленивой, упрямой, — казалось, Джу с напарником тащили за собой не одну телегу, а много телег. Ездовой теперь кричал непрерывно, бил кнутом больно и часто, — казалось, не один ездовой сидел на телеге, а много. И кнутов стало много, и все они были языкатые, злые, одновременно холодные и жгучие, хлесткие, въедливые.

Тащить телегу по асфальту было слаще травы и сена, но целыми днями ноги не знали асфальта.

Мулы познали холод, дрожь намокшей под мелким осенним дождем кожи. Мулы кашляли, болели воспалением легких. Все чаще оттаскивали в сторону от дороги тех, для которых кончалась дорога, не стало движения.

Равнина расширилась — ее огромность ощущалась теперь не глазами, а всеми четырьмя копытами... Глубже и глубже уходили копыта и размякшую землю, липучие комья упорно тянули за ноги, и все огромней, шире, могучей раздвигалась, ширилась отяжелевшая от дождя равнина.

В большом, просторном мозгу мула, в котором рождались туманные образы запахов, формы, цвета, зарождался образ совсем иного понятия, созданного мыслью философов и математиков, — образ бесконечности: туманной русской равнины и непрерывно лившегося над ней холодного осеннего дождя.

И вот на смену темному, мутному, тяжелому пришел новый образ — белый, сухой, сыпучий, обжигающий ноздри, пекущий губы.

Зима пожрала осень, но это не принесло освобождения от тяжести. Пришла сверхтяжесть. Жестокий и жадный хищник пожрал менее сильного хищника...

Вдоль дороги рядом с телами мулов лежали мертвые люди — мороз их лишил жизни.

Беспрерывный сверхтруд, холод, стертая шлеей до мяса кожа на груди, кровавые болячки на холке, боль в ногах, сбитые, крошащиеся копыта, обмороженные уши, ломота в глазах, рези в животе от мерзлой пищи и ледяной воды постепенно вымотали мускульные и душевные силы Джу.

На него шло огромное равнодушное наступление. Колоссальный мир равнодушно наваливался на него. Даже злоба ездового прекратилась — он съежился, не дрался кнутом, не бил сапогом по чувствительной косточке на передней ноге... Медленно, неминуемо война и зима подминали мула, и Джу ответил на огромное равнодушное наступление, готовящееся уничтожить его, своим безмерным равнодушием.

Он стал тенью от самого себя, и эта живая пепельная тень уже не ощущала ни собственного тепла, ни удовольствия от пищи и покоя. Ему было безразлично, двигаться ли по обледенелой дороге, перебирая механическими ногами, или стоять понуря голову. Он жевал сено равнодушно, без радости, и так же равнодушно переносил он голод и жажду, секущий зимний ветер. Глазные яблоки ломило от белизны снега, но сумерки и темнота были ему безразличны, он не хотел и не ждал их.

Он шагал рядом со стариком напарником, теперь уж полностью похожий на него, их безразличие друг к другу было так же огромно, как их безразличие к самим себе.

Это равнодушие к себе было его последним восстанием.

Быть или не быть — стало безразлично для Джу, мул словно бы решил гамлетовский вопрос.

Так как он сделался безразлично-покорен к существованию и к несуществованию, он потерял ощущение времени — день и ночь стерлись в его сознании, морозное солнце и безлунная тьма стали ему одинаковы.

Когда началось русское наступление, морозы не были особенно сильными.

Джу не овладело безумие во время сокрушающей артиллерийской подготовки. Он не рвал постромок, не шарахался, когда в облачном небе запыхало артиллерийское зарево, и земля стала колебаться, и воздух, разодранный воем и ревом стали, наполнился огнем, дымом, комьями снега и глины.

Поток бегства не захватил его, он стоял опустив голову и хвост, а мимо него бежали, падали, вновь вскакивали и бежали, ползли люди, ползли тракторы, неслись тупорылые грузовики.

Напарник странно закричал голосом, похожим на человеческий, упал, заелозил ногами, потом затих, и снег вокруг него стал красным.

Кнут лежал на снегу, и ездовой Николло тоже лежал на снегу. Джу больше не слышал скрипа его сапог, не улавливал запаха табаку, вина, сыромятной кожи.

Мул стоял безразлично-покорный и не ждал свершения судьбы, — новая судьба и старая судьба были ему одинаково безразличны.

Пришли сумерки. Стало тихо. Мул стоял, опустив голову, свесив плетью хвост. Он не глядел по сторонам, не прислушивался. В пустынной равнодушной голове продолжала гудеть давно уж умолкшая артиллерийская стрельба. Редко, редко переступал он с ноги на ногу и вновь делался неподвижен.

Вокруг лежали тела людей и животных, разбитые, опрокинутые грузовики, кое-где лениво струился дымок.

А дальше, без начала, без края, была туманная, сумрачная, снежная равнина.

Равнина поглотила всю прошлую жизнь — и зной, и крутизну красных дорог, и запах кобылок, и шум ручьев. Джу мало уж чем отличался от окружавшей его неподвижности, он сливался с ней, соединялся с туманной равниной.

И когда тишину нарушили танки, Джу услышал их потому, что железный звук, заполняя воздух, входил в мертвые уши людей и животных, вошел и в уши понурого живого мула.

И когда неподвижность равнины нарушилась, и гусеничные пушечные машины развернутым строем, скрежеща шли по снежной целине с севера на юг, Джу увидел их — они отражались в ветровых стеклах и в зеркальцах брошенных машин, они отразились в глазах мула, стоявшего у опрокинутой телеги. Но он не шарахнулся в сторону, хотя гусеничное железо прошло совсем близко, дохнуло горьким теплом и масляным перегаром.

Потом из белой равнины выделились белые людские фигуры, они двигались бесшумно и быстро, не как люди, а как хищные охотники, исчезли, растворились, поглощенные неподвижностью снежной целины.

А потом зашумел кативший с севера поток людей, машин, орудий, заскрипели обозы...

Поток шел по дороге, а мул стоял не кося глазами, и движение шло мимо, но вскоре оно стало так велико, что разлилось за обочины дороги.

И вот к Джу подошел человек с кнутом. Он рассматривал Джу, и мул почувствовал запах табаку и сыромятной кожи, шедший от человека.

Человек, точно так же как это делал Николло, ткнул Джу в зубы, в скулу, в бок.

Он дернул за узду, сипло заговорил, и мул невольно посмотрел на лежащего, на снегу ездового Николло, но тот молчал.

Человек снова потянул узду, мул не пошел, а продолжал стоять.

Человек закричал, замахнулся, и грозное понукание его отличалось от понукания итальянца не грозностью, а звуками, сочетавшимися в угрозе.

А потом человек ударил мула сапогом по косточке на передней ноге, ноге стало больно, по этой косточке бил сапогом Николло, и она была особенно чувствительна.

Джу пошел следом за ездовым. Они подошли к запряженным телегам. Их обступили ездовые, шумели, размахивали руками, смеялись, хлопали Джу по спине и по бокам. Ему дали сена, и он поел. В телеги были впряжены парами лошади с короткими ушами, со злыми глазами. Мулов не стало.

Ездовой подвел Джу к телеге, в которую была впряжена одна лошадь, без напарника.

Лошадь была темная, маленькая, рослый мул оказался выше ее. Она поглядела на него, прижала уши, потом наставила их, потом замотала головой, потом отвернулась, потом приподняла заднюю ногу, собираясь лягнуть.

Она была худая, и, когда вдыхала воздух, ребра волной проходили под ее шкурой, и на шкуре ее, как на шкуре Джу, виднелись кровавые ссадины.

Джу стоял понунив голову, по-прежнему безразличный к тому, быть ему или не быть, беззлобно равнодушный к миру, потому что равнинный мир равнодушно уничтожал его.

Он привычно, так же как делал это сотни раз до того, просунул голову в шлею, она не была кожаной, но совершенно так же, как и кожаная, коснулась его натруженной груди, запах от нее шел странный, непривычный, лошадиный. Но мулу был безразличен этот запах.

Лошадь стояла с ним в паре, и ему было безразлично тепло, дошедшее к нему от ее впалого бока.

Она прижала уши почти вплотную к голове, и морда у нее сделалась злая, хищная, не как у травоядного. Она выкатила глаз, приподняла верхнюю губу и обнажила зубы, готовая укусить, а Джу в своем равнодушии подставлял ей незащищенную скулу и шею. А когда она стала пятиться, натягивая упряжь, чтобы, повернувшись к нему задом, изловчиться и огреть его копытом, он не забеспокоился, а стоял понурившись, так же как стоял возле разбитой телеги, мертвого напарника, мертвого Николло и лежавшего на снегу кнута. Но ездовой закричал и ударил лошадь кнутом, а потом тем же кнутом — братом кнута, лежавшего на снегу, — ударил мула: ездового, видимо, раздражало понурое животное, а рука у него была, как у Николло — тяжелая рука крестьянина.

И Джу вдруг покосил глазом на лошадь, а лошадь посмотрела на Джу.

Вскоре обоз тронулся. И снова привычно поскрипывала телега, и снова перед глазами была дорога, а за спиной тяжесть, и ездовой, и кнут, но Джу знал, что от тяжести не избавиться с помощью дороги. Он трусил рысцей, а снежная равнина не имела начала и конца.

Но странно, в своем привычном движении в мире безразличия он чувствовал, что лошадь, бегущая рядом, не безразлична к нему.

Вот она метнула хвостом в сторону Джу, шелковисто скользкий хвост совсем не походил на кнут либо на хвост напарника — ласково скользнул по шкуре мула.

Прошло немного времени, и лошадь снова метнула хвостом, а ведь в снежной равнине не было ни мух, ни moskitov, ни оводов.

И Джу покосился глазом на бегущую рядом лошадь, и она именно в этот миг покосила глазом в его сторону. Глаз ее сейчас не был злым, а чуть-чуть лукавым.

В сплошьяке мирового равнодушия зазмеилась маленькая извилинка — трещина. В движении тело согревалось, и Джу ощущал запах лошадиного пота, а дыхание лошади, пахнущее влагой, сладостью сена, все сильнее и сильнее касалось его. Сам не зная отчего, он натянул постромки, и кости его грудной клетки ощутили тяжесть и давление, а шлея лошади ослабела, и ей стало легче тянуть упряжку.

Так бежали они долгое время, и вдруг лошадь заржала. Она заржала тихонько, так тихо, чтобы ни ездовой, ни лежащая кругом равнина не слышали ее ржания.

Она заржала так тихо, чтобы только бежавший с ней рядом мул услышал ее.

Он не ответил ей, но по тому, как он вдруг раздул ноздри, ясно было, что ржание лошади дошло до него.

И они долго, долго, пока обоз не остановился на привал, бежали рядом, раздували ноздри, и запах мула и запах лошади, тянувших одну телегу, смешались в один запах.

А когда обоз остановился, и ездовой распряг их, и они вместе поели и попили воды из одного ведерка, лошадь подошла к мулу и положила голову на его шею, и ее шевелящиеся мягкие губы коснулись его уха, и он доверчиво посмотрел в печальные глаза колхозной лошаденки, и его дыхание смешалось с ее теплым, добрым дыханием.

В этом добром тепле проснулось то, что заснуло, оживо то, что давно умерло, — любимое сосунком сладкое материнское молоко, и первая в жизни травинка, и жестокий красный камень абиссинских горных дорог, и зной на виноградниках, и лунные ночи в апельсиновых рощах, и страшный сверхтруд, казалось, до конца убивший его своей

равнодушной тяжестью, но все же, оказывается, до конца не убивший его.

Жизнь мула Джу и вологодская лошадиная судьба внятно им обоим передавались теплом дыхания, усталостью глаз, и какая-то чудная прелесть была в этих, стоящих рядом, доверчивых и ласковых существах среди военной равнины под серым зимним небом.

— А осел, мул-то, вроде обрусел, — рассмеялся один ездовой.

— Нет, глянь, они плачут оба, — сказал другой.

И правда, они плакали.

ЗАДАНИЕ 2.

Представьте себя в роли литературоведа, которому поручено написать небольшое эссе (не менее 150-200 слов) о том, как в стихах русских поэтов осмысляются образы и сюжеты тех или иных живописных картин. Придумайте заглавие (можно цитатное).

Для написания такого эссе вам необходимо **сознавать специфику этих видов искусства и одновременно понимать, что сближает живопись и литературу. Аргументируйте свои суждения, опираясь на предложенные стихотворения. Привлекайте их как материал для раскрытия темы.**

На основе анализа предложенных стихов, продемонстрируйте разные аспекты заявленной темы. Как каждый поэт интерпретирует те или иные живописные образы и сюжеты, какой эмоциональный отклик вызывает в его душе произведение искусства?

Обратите внимание на то, какие художественные средства используют поэты для выражения своих мыслей и чувств.

В ходе рассуждений для аргументации можете привлекать и другие известные вам произведения о живописи и живописцах (в том числе и прозаические).

Максимальное количество баллов – 40.

Николай Алексеевич Заболоцкий
(1903–1958)

Портрет

Любите живопись, поэты!

Лишь ей, единственной, дано

Души изменчивой приметы

Переносить на полотно.

Ты помнишь, как из тьмы былого,

Едва закутана в атлас,

С портрета Рокотова снова

Смотрела Струйская на нас?

Ее глаза — как два тумана,

Полуулыбка, полуплач,

Ее глаза — как два обмана,

Покрытых мглою неудач.

Соединенье двух загадок,

Полувосторг, полуиспуг,

Безумной нежности припадок,

Предвосхищенье смертных мук.

Когда потемки наступают

И приближается гроза,

Со дна души моей мерцают

Ее прекрасные глаза.

1953

Александр Кушнер (р. 1936)

В одной из улочек Москвы,

Засыпанной метелью,

Мы наклонялись, как волхвы,

Над детской колыбелью.

И что-то, словно ореол,

Поблескивало тускло,

Покуда ставились на стол

Бутылки и закуска.

Мы озирали полумглу

И наклонялись снова.

Казалось, щурились в углу

Теленок и корова.

Как будто Гуго ван дер Гус*
Нарисовал всё это:
Волхвов, хозяйку с ниткой бус,
В дверях полоску света.

И вообще такой покой
На миг установился:
Не страшен Ирод никакой,
Когда бы он явился.

Весь ужас мира, испокон
Стоящий в отдаленье,
Как бы и впрямь заморожен,
Подался на мгновенье.

Под стать библейской старине
В ту ночь была Волхонка.
Снежок приветствовал в окне
Рождение ребенка.

Оно собрало нас сюда
Проулками, садами,
Сопровождаясь, как всегда,
Простыми чудесами.
1969

* **Гуго ван дер Гус** — нидерландский живописец, один из ключевых мастеров раннего Северного Возрождения.

Александр Городницкий
(р. 1933)

Рембрандт

В доме холодно, пусто и сыро.
Дождь и ветер стучат о порог.
"Возвращение Блудного Сына"
Пишет Рембрандт. Кончается срок.

Сын стоит на коленях, калека,
Измождённых не чувствуя ног,
Голова - как у бритого зека, -
Ты откуда вернулся, сынок?
Затерялись дороги во мраке.
За спиною не видно ни зги.
Что оставил ты сзади - бараки?
Непролазные дебри тайги?

Кто глаза твои сделал пустыми, -
Развратители или война?
Или зной Галилейской пустыни
Всё лицо твоё сжёг дочерна?
Не слышны приглушённые звуки.
На холсте и в округе темно, -
Лишь отца освещённые руки
Да лица световое пятно.

Не вернуться. Живём по-другому.
Не округла, как прежде, Земля.
Разрушение отчего дома -
Как сожжение корабля.
Запустение, тьма, паутина,
Шорох капель и чайный крик,
И предсмертную пишет картину
Одиноким и скорбным старик
1982